

В ГОДЫ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Среди советских войск, участвовавших в освобождении братских народов Югославии от гитлеровского ига, находилась и 223-я стрелковая дивизия. Она была сформирована на Кавказе, в её составе было много ставропольцев.

Вместе с другими частями Советской Армии эта дивизия прошла славный боевой путь от предгорий Кавказа до Австрийских Альп. Сто дней она провела в непрерывных и ожесточённых боях, помогая воинам и партизанам Югославии очистить родную землю от фашистских захватчиков. За особые заслуги при освобождении столицы Югославии Белграде дивизии было присвоено название «Белградской».

Ниже мы публикуем записи из фронтового дневника М. Усова — бывшего редактора красноармейской газеты «За Советскую Родину», издававшейся в 223-й стрелковой дивизии.

ВИНО ДРУЖБЫ

Свет автомобильных фар перескакивает с дорожной колеи на деревья. Из мрака вырываются литые стволы дубов, кусты орешника, угрюмые скалы. Напряжённо, через силу гудит мотор.

— Подкладывайте камни! — кричит шофёр, горбясь за рулём.

Выпрыгиваем из кузова на каменистую дорогу, бежим к обочине, наощупь хватаем холодные камни. Задыхаясь, догоняем гудящую машину и суём камни под широкие скаты, упираемся в задний борт машины — кто спиной, кто плечом, кто руками. Машина, оседая на подложенные камни, останавливается.

А дорога через Злато-Планинский перевал идёт всё вверх и вверх. Непонятно, как может тяжёлая машина вползать на бесконечные кручи. Капот «Форда» задран кверху, в кузове нельзя ни стоять, ни сидеть — настолько он покат. Не хочется думать об откосах и обрывах, которые совсем близко, рядом, в двух шагах. Слышен шорох и стук осыпающихся камней, — звуки замирают и гложут в чёрной, неведомой глубине.

Шофёр глушит мотор, выключает фары. Непроницаемая тьма окутала нас со всех сторон. Она, кажется, липнет к глазам, давит на веки. Бойцы застыли на месте, никто не проронит слова, не чиркнет спичкой, раскуривая папиросу. Вода в радиаторе долго бурлит и всхлипывает. А когда утихает, становится слышным однообразный шёпот неторопливого осеннего дождя. С деревьев срываются отяжелевшие капли, разбиваются о камни. И больше — ни звука.

...Вновь гудит мотор, оживает ночь. Освещённая фарами дорога словно упирается в стену горного кряжа. Проплывают деревья с корявыми сучьями, тонкие прутья орешника, потерявшего листья, каменные глыбы и исчезают, поглощённые мраком.

Когда же конец этому? Хочется забыться, лечь на обнажённые, выпирающие из земли, узловатые корни, прикрыться с головой плащ-палаткой. Хотя бы чуточку уснуть. Где же селение? До него никак не добраться. Не сбились ли мы с пути?

А где-то во тьме враг. Может, на свет наших фар наведены пулемёты... Ночь бывает союзником, но бывает и врагом. Где же селение? Да есть ли вообще на этих кручах жильё — сухое, тёплое, где можно сбросить шинель и заснуть так, чтобы проснуться на том же боку?

Немота сковала людей. Молча прыгают с кузова, тычутся в мокрые кусты, подсовывают под скаты камни, приваливаются плечом или спиной к машине, — не спят ли они стоя? Какое счастье — сон.

— Не спать!

Кто это кричит? Может быть, я, а может, кто другой? Надо вновь лезть в кузов или вновь брести позади задыхающейся машины.

...Скрипит доска, о борт кузова что-то звякает.

Что это? Вместо деревьев и кустарников, вместо каменных глыб из тьмы показалась белая ограда. Выглянула и пропала. Все её увидели и каждый верил и не верил. Никто ничего не сказал, только сильнее сжались пальцы на плече, на поясе товарища, ещё плотнее сдвинулись все в кузове. Вновь перед глазами ограда — конечно, ограда! Простой крестьянской каменной кладки, из белого булыжника. А вот и дом, другой... Машина среди улицы. Как-будто посветлело, мрак отодвинулся.

Не верится. Не сон ли это, внезапный, на ходу? Но уже доносятся голоса. Обрадованный шофёр сигналит несколько раз.

— Здраво! Добар дан! (Здравствуйте!).

— Добро дошли! (Добро пожаловать!).

— Мрак е ни прет пред очиме се не види! (Тёмная ночь, даже пальца перед глазами не видать!)
— окружили машину люди.

Звучит сербская речь — твёрдая, волнующе-знакомая, будящая какие-то светлые воспоминания. Где я слышал эту речь? Почему она тревожит и волнует, берёт за сердце.

— Здраво, другари!— рвётся навстречу вместе со взмахами рук.

Колышется фонарь у встречающих нашу машину. К нам тянутся руки, мы крепко жмём тёплые ладони селян, заглядываем в глаза, словно узнавая друг друга после долгой и тяжкой разлуки. С губ сами собой срываются русские и сербские слова — слова ласки и приветов давно не выдававшихся братьев.

При неровном свете фонаря впереди виден серб с седыми усами, загнутыми книзу, как у запорожцев. Держа в одной руке стеклянный стаканчик, а в другой — узкогорлый кувшин, он чинно, с важной торжественностью, наливает вино. Доверху налитый стакан обходит каждого. Старик желает всем бойцам здоровья, а где здоровье — там счастье. Запавшие губы его улыбаются, длинные усы двигаются, отливают серебром.

Мы пьём ракию — хлебное домашнее вино, заедаем ломтиками хлеба и сыра, благодарим селян. И кажется, будто никогда ещё мы не пили такое хорошее вино!—крепкое, с огоньком, согревающее тело и душу,— вино дружбы. Никогда ещё мы не ели такого вкусного хлеба,— мягкого, пахнущего жаркой печью, хлеба друзей.

НА УЛИЦАХ ЧУПРИЯ

Деревья глухо шумели, раскачиваясь и порываясь всеми своими ветвями, каждым листочком в остуженную осень даль. А внизу, у древесных корней бились о землю травы, взмахивая узкими лезвиями листьев. Трава шелестела, широкое поле, казалось, двигалось, бежало вместе с нескончаемым потоком ветра, с несущимися в небе косматыми облаками. Всё вокруг переливалось, бурлило, мчалось в едином порыве.

Бойцы прибавляли шаг, почти бежали. То тут, то там взлетали чёрные вихри снарядных разрывов, земляные комья осыпали травы и людей с пятиконечными звёздочками на пилотках. Шурша, падали потерявшие силу горячие осколки. Орудийные выстрелы звучали впереди, сзади, сбоков, словно удары шалого грома. Когда же доносилось рокотанье пулемётов, бойцы припадали к земле, держались ложбинок и косогоров.

Всё ближе белая окаёмка городской окраины. Это — Чуприя. Артиллеристы разворачивают «сорокопятку»— маленькую пушку на резиновом ходу.

При въезде в город виден замаскированный под цементный порог углового здания приземистый пулёмётный дот. Гитлеровцы стреляют из развалин. Бой перекатился на улицы, заваленные кирпичом, сорванными вывесками, битым стеклом.

Лежат раненые — одни молчаливые, с ушедшим внутрь взглядом, другие —стонут, торопливо ощупывают вокруг себя, силятся встать, снова падают или медленно никнут к земле. Большие, сильные люди беспомощны, по-детски неумелы, слабы. Один из раненых тщетно пытается дотянуться до фляги. Она завалилась ему за спину, лежит рядом, пристёгнутая ремнём, а он не может её достать. Раненый делает ещё усилие, пальцы его дрожат, с трудом ощупывают шинельные складки.

— Пей, браца!

Торопливый шёпот заставляет обессилевшего бойца приподнять веки. Тёплые, мягкие руки коснулись его лица, погладили лоб, щёки. Как покойно голове на этой тёплой ладони. Не нужно никаких усилий, чтобы поднять голову. Раненый прикивает к фляге, хватает её губами, судорожно пьёт... глоток, второй...

— Пей, браца...

Боец пьёт. Ему чудится: рядом мать. Это её тёплые, вздрагивающие руки гладят его по лицу, вытирают платком губы и влажный подбородок, бережно-бережно укладывают голову, касаются волос. И раненый негромко стонет, доверчиво и жалобно.

Вдоль улиц, над домами взвизгивают пули, проносятся снаряды. От дома к дому проскакивают бойцы, бегут к Мораве, где в речных водоворотах вздымаются обрушенные пролёты железнодорожного моста.

А на улицах порывисто двигаются женщины, подбегают к раненым, склоняются над ними в горе и ласке. Юные, совсем девочки с чёрными лучистыми глазами, и пожилые в тёмных платьях, они хлопотливо перевязывают бойцов, поят их водой, помогают встать на ноги. Охватив своих санитарок за шеи и плечи, вершок за вершком передвигаются раненые бойцы. Из ближних домов выбегают женщины и осторожно заносят раненых в своё жилище.

РОЖДЕНИЕ ПОДВИГА

Огневой бой не затухал, он только скатился к реке.

Вздымались водяные столбы, обрушивались и пропадали бесследно в жёлтом потоке, повесенному буйном, взлохмаченном от пены, водоворотов, волн. Свистел ветер, подсекал водяные гребни, смахивал пену и холодными брызгами обдавал глинистый берег и набегавших бойцов. Морава рвалась, ей было тесно в земном ложе. Её стремительный бег кружил головы, захватывал своей перевозчанной силой. Бойцы прыгали в лодчонки, и река, гордая своей ношей, несла их наискосок к дальнему берегу.

И никто не видел ничего примечательного в том, что эти утлые, сбитые из тонких досок лодчонки подавались сербами, местными жителями.

Ещё совсем недавно обрывистые берега Моравы, кипящая поверхность реки являли собой пустынный вид: ни души. Гитлеровцы уничтожили паром. Представлялось, что берега надолго разорваны, меж ними несутся вспенённый, охваченный буйством широкий поток.

Первые бойцы, выйдя к Мораве, сразу же сворачивали к обрушенным фермам железнодорожного моста. Балансируя на взгорбленных махинах ребристого металла, солдаты качались над ревушей пучиной. Над ними повисали дымные клубы разорвавшихся шрапнельных снарядов, из вспенённой стремнины вставляли водяные столбы, а маленькие фигурки людей с автоматами на груди карабкались с фермы на ферму, неудержимо передвигались к тому берегу. За ними, выйдя из укрытия, взбегали на исковерканный металл другие солдаты. Перебежав один-два пролёта, они посередине моста почти скатывались по железному переплёту, вновь появлялись на вздыбленной ферме, раскачиваясь над бездной.

Тогда,— в час боевого вдохновения, несдержимого наступления,—возле берега, отбитого у врага, появились лодчонки с местными жителями. Преодолевая свирепый напор воды, эти судёнышки двигались вровень с берегами, прижимались к скользкой глине, их дощатые бока сдерживали напор тысяч струй, о них яростно бились волны, но лодчонки не отступали, упорно шли против течения.

На первой из них стоял сухощавый серб в надвинутой на самые брови высокой барашковой шапке. Он проворно орудовал веслом, то погружая его в волны, то с натугой отталкиваясь им от берега. Глаза его, обращенные к обрушенному мосту, к перебегавшим над стремниной солдатам, сияли. Серб улыбался, поблескивая зубами, человек кричал, напрягаясь в борьбе с рекой. Слов его нельзя было разобрать. Но весь вид человека в барашковой шапке выражал неистовый восторг.

В такие минуты все мелкие будничные чувства гаснут, уступая место одному, несдержимому, всеильному чувству, как всеильна сама стихия. Серб, вдохновлённый отвагой безвестных русских удалцов, шедших сквозь смерть над пучиной, сам совершал подвиг.

Из-за поворота, медленно бредя по берегу, показалась пёстрая толпа. Бок-о-бок с людьми выступала пара коней. Чёрный разрыв снаряда закрыл было толпу, но ветер разметал завесу дыма. Стало видно — люди, впрягшись в лямки, помогая коням, тянули бичевой плот.

Вскоре русские солдаты и сербы, закрепив плот у причала, скатывали на его мокрый дощатый пол ещё неостывшие после стрельбы пушки, сводили коней в упряжке. Животные всхрапывали, садясь на задние ноги, а в их блестящих зрачках отражалась буйная Морава.

НАШИ — СОВЕТСКИЕ!

Грохали советские крупнокалиберные орудия. В небе проносились невидимые тонны металла. Весь неохватный свод небес, будто разрываясь на куски, рушился наземь, дробясь и рассыпаясь.

Издали, где-то за Чуприя, нарастал самолётный гул. Люди покидали жилища, бежали, ослеплённые страхом. Они думали — это летят «юнкеры», летят вражеские бомбардировщики, чтобы обрушить с неба смерть и уничтожение.

— Наши!.. Советские!..

Это крикнул русский солдат и его хрипловатый голос остановил мечущихся людей.

— Наши!

— Руски!

— Руски!

И в этом коротком слове, повторяемом десятками уст, слышались и надежда, и радость, и восхищение, и гордость, большая гордость.

Сербы обнимали друг друга, жали руки, выбегали на середину улицы, вскидывали руки и махали ими, махали благодарно и трогательно. Запрокинув головы, люди смотрели вверх домов, в синеву небес. По лицам женщин скатывались слёзы. Черноокая девушка со сбившейся на спину шалью прижала тонкие ладони к груди, и вся она, хрупкая и лёгкая, словно готова была взлететь навстречу машинному гулу.

А гулом заполнился город, все его площади, улицы и дворы. Он шёл, накатистый и густой, скатывался с облаков, звучал грозно и ликующе. Блещут зарницы — это солнечные блики вспыхивают на крыльях самолётов. Из безмерных глубин неба мчатся советские истребители, буравят и рассекают воздух, — глаз человеческий не в силах запечатлеть их соколиный полёт, как тщетно уследить за блеском разящего клинка. За ними, распластав крылья, в боевом строю, мерно, несдержимо, обрастая тяжёлым моторным гулом, надвигались бомбардировщики.

Они держали путь к горам, где засел враг, где ещё был в немецко-фашистском плену сербский город Ягодина.

ОТЦОВСКИЙ ПОЦЕЛУЙ

Только бойцы, видевшие смерть, знают эти особые, недолгие минуты на войне. Ещё раздаются редкие хлопки винтовочных выстрелов, изредка в них вплетается перестук автоматов. Деловито ударит пулемёт, дробно прошьёт воздух и умолкнет. Рвётся неведомо откуда примчавшийся снаряд. Ветер несёт через пустынную улицу и дворы грязные космы дыма. Догорает безлюдный дом. Пламя беснуется над провалившейся крышей, по-кошачьи крадучись, перебегает по стропилам, с гуденьем и треском вырывается из оконных дыр. В дикой ярости оно прыгает с клубами дыма вверх, словно хочет вцепиться в облака, охватить пожаром небо. На улицах всё в необычном виде, всё нагромождено и перепутано.

Так бывает после бешеного буйства рек, после наводнения.

То на самой середине неширокой сельской улицы, то сбоку, упершись оглоблями в забор, стоят зелёные повозки на больших колёсах, с подножками и тормозом у сиденья, ездового. Между повозок брошены легковые автомобили с распахнутыми дверцами, с горками чёрных и коричневых чемоданов. Возвышаются слоновьи туши грузовых тупорылых машин, одна из них, догорая, чадит. Рядом, задрав ноги, валяются убитые кони: земля под ними тёмная и плотная от крови. Дорога, кюветы щедро усыпаны стреляными гильзами, обоймами с патронами. В жестяных ящиках — хвостатые мины, окрашенные в яркие цвета, из других — свисают пулемётные ленты. Валяются винтовки. За углом кирпичного дома, своротив набок рыло с непрожёванной лентой остроконечных патронов, застыл пулемёт. Уткнувшись лицом в грязь, лежит наводчик в зелёном мундире.

Земля истерзана и обожжена — глинистые трещины, изломы окопов, бугорки блиндажей, вывороченные пласты и комья, опалённые разрывами, расщеплённые деревья, чёрные жерди ветвей, — всё замерло в молчании и муке.

Смерть ещё витает над селением, звучит в выстрелах, в свисте пуль, а красноармейцы уже хлопчут у колодца. Завидев мокрое ведро, резко меняют свой путь бойцы. Одни торопливо отстёгивают помятые котелки и фляги, другие, забыв пристегнуть к поясу гранату, бегут тяжёлой трусцой, на ходу вытирают рукавом потное лицо. Счастливы! Они сейчас зальют водой нестерпимую жажду, от которой так долго сохли и трескались в кровь губы. А через минуту — дальше. Другие привалились потными спинами к стене. В руках — мятые-перемятые кисеты. Продыmlённые пальцы тащут щепотью махру, омахивающую на древесные опилки, ссыпают её в желобки бумаги, оторванной от газеты. Лизнув край бумажки, бойцы заклеивают цыгарки. Медленно затягиваются, молчат...

Незабываемые минуты победы, как дороги вы солдатскому сердцу!

И вот в такую минуту к нам нетвёрдой походкой направился старый серб. Он вышел из дома напротив. Белые волосы выбивались редкими длинными пучками из-под высокой барашковой шапки. Ветер шевелил ими. Белые усы свисали на рот и бритый подбородок. Вдоль щёк и на лбу лежали глубокие морщины, шрамы долголетия. Все увидели — старик бос: он шёл разутый по холодной земле с осенними лужами, медленно переступая костлявыми натруженными ногами. Жалобно белели вымазанные грязью ступни, худые пальцы.

— Здорово, юнаки!— промолвил старый серб, словно ища своей протянутой рукой солдатские ладони. В его младенчески-простодушных глазах — отцовское тепло.— Добро бити шваба Црвена Войска!

— Здравствуй, дедушка!—раздалось в ответ.

А старый серб шёл от бойца к бойцу. Щурясь, вглядывался в обветренные, небритые лица, тряс и пожимал руки.

— Здорово!.. Здорово!—говорил он каждому.

Серб задержался возле паренька с рыжеватыми веснушками на носу и вдруг привлёк к себе, прижал к старческой груди. Он поцеловал паренька, самого молоденького среди бойцов, как своего долгожданного сына.

Двое красноармейцев, не сговариваясь, молча начали стягивать со своих ног кирзовые сапоги.

— Возьми, дедушка! Обуйся потеплее.

СЕРБСКИЕ СВАДЬБЫ

В кузове часто встряхивало, переваливало с борта на борт. Бойцы жались к кабинке, где было спокойнее. Некоторые умудрялись даже спать. Когда же очень встряхивало на ухабах, разморённые люди просыпались на миг и первым их движением было проверить — на месте ли автоматы. «Тут, всё в порядке!» — говорило это короткое прикосновение.

Мосты взорваны. Сербы не везде успели перекинуть временки— деревянные мостки через шумные горные потоки. Однако наезженные спуски и въезды на противоположный берег ясно обозначали безопасные броды. Машина, фыркающая и отдуваясь, скатывалась в мутный поток, весело хрустя речной галькой, добиралась до берега, обкатывая влажный песок прибойной пенистой волной.

Дорога с бесчисленными подъёмами, спусками и заворотами вправо и влево заметно улучшилась, приубралась: исчезли ухабы, камни, осыпи — верный признак близости селения. А вот и оно, лёгкое на помине.

Дома под черепичной крышей, реже — крытые кровельным железом. Белые стены, застеклённые окна. То деревянные, то каменные ограды. Сады, полисаднички. Земля в опавших листьях.

Машина мчит по узкой улице.

До слуха доносятся звуки гармоники. Бойцы повернули головы, вглядываются, прислушиваются. Напев гармоники слышнее, ближе. На солдатских лицах радостное недоумение, ожидание чего-то приятного, забытого на войне. Куда делась усталость.

В тонких переливах дискантов и альтов, в густых басовых вторах и переборах так и хватает за живое весёлая плясовая музыка. Хочется этак повести плечом, молодецки пристукнуть каблуком, чтобы следом вылететь в круг и завертеться в лихой бесшабашной пляске. Гармонике подтягивает скрипка. Она тоненько пиликает и, торопясь, словно убегает от басов.

На улице, у решётчатых ворот столпились дети и подростки. Белые, голубые, розовые в складочку платьица девочек, длинные до пят. Такие же цветастые платки и полушалки. А между ними чёрные шляпы и шапки мальчиков.

Шофёр сигналил, сбавляет ход.

Дети засуетились, забегали. Одни помчались в дом, а все остальные гурьбой к машине. Машут ручонками, кричат:

— Руски, руски!

—• Црвена Войска!

— Живео Црвена Армия!

— Добар дан! Здорово браца!— вихрятся голоса, плещется цветастый детский прибор. Блестят чёрные глазёнки, пунцовеют губы, щёки. На платьях девочек, на рубашках и пиджаках мальчиков

приколоты цветы, яркие ленты и банты. У многих цветы и банты приколоты на шляпах. К бойцам тянутся отовсюду десятки рук с зажатыми в них яблоками, грушами, орехами. Фрукты падают в кузов.

Машина, взревев, глохнет, вапугнув ребятишек, как голубиную стаю. Шофёр открывает дверцу, выпрыгивает наружу. Всё его лицо расплывается в улыбке.

— Что у вас,— озорно кричит он,— свадьба!?

— Овде свадьба, овде свадьба! Српска свадьба! (Здесь свадьба! Сербская свадьба!) — вперевод несутся звонкие голоса.

Суется, перебегают с места на место ребятишки — возбуждённые, раскрасневшиеся. Они заглядывают в кузов, вскакивают на подножки, на скаты, теребят бойцов, тянут за полы шинелей.

— Пайдемо руски, пайдемо другарь! Српска свадьба — лепо свадьба. (Пойдём русский, пойдём товарищ! Сербская свадьба— хорошая свадьба).

От белого дома с раскрытыми окнами через двор к воротам степенно движется кучка селян. На ногах у многих шерстяные онучи с заправленными в них брюками, самодельные сандалии с загнутыми в трубку носками. Мужчина в белой рубашке и чёрном пиджаке держит оплетённую бутылку, второй — разрисованный цветами жестяной поднос с рюмочками и стаканчиками.

Взаимные приветствия, крепкие рукопожатия. Разноголосый весёлый говор. Кузов опустел: всех выманила нежданная-негаданная сельская свадьба.

— Мало село, а три свадьбы едан дан,— с довольным видом говорит серб, угощая бойцов ракией.— Пришла Црвена Армия — проелава люди. (Небольшое село, а три свадьбы в один день. Пришла Красная Армия—праздник народу).

— Три свадьбы едан дан! — утвердительно кивают головами селяне. Они оживляются при этих словах, добрая улыбка словно изнутри освещает и молодит их загорелые мужественные лица.

К бойцам протягиваются руки с налитыми стаканчиками.

К чёрным пиджакам, домотканым свиткам и белым рубашкам сербов присоединяются цветные наряды девушек и молодых. Гладко зачёсаны волосы, тугие косы до пояса. Светлые платочки завязаны узлом под круглыми с ямочками подбородками, узорчатые концы опущены на плечи.

Смахнув пилотки на ухо и приосанившись, автоматчики любезничают с девушками, дарят платочки на память. Девушки поначалу отказываются от подарков, сверкнув серёжками, отворачиваются, о чём-то шепчутся, секретничают и вдруг заливаются смехом — звонко, молодо,— дрожат завитушки волос на лбу и стрелчатые ресницы. Смеются и сами бойцы, заглядывают в девичьи очи, пересыпают русскую речь сербскими словами.

— Са-ади-ись!— прозвучала команда.

Шумливая толпа хлынула к машине, тесно обхватив бойцов. И стар и мал наперебой жали солдатские руки, засматривали в глаза, так часто видевшие смерть. Многоголосо и задушевно звучала сербская речь. Огромное человеческое тепло, невысказанная радость и благодарность воинам-освободителям словно наэлектризовали воздух, всколыхнули сердца бойцов, истосковавшиеся по далёкому дому, по людской ласке. Здесь, на югославской земле, для них открылись чистые родники народной любви, бескорыстной и неиссякаемой, как неиссякаема сама жизнь.

— Срецац пут! (Счастливого пути!).

— Живео Русия! Живео руски браца!— рвалось отовсюду, звучало ликующе и прощально.

И долго ещё видели с машины толпу селян на улице, вскинутые руки, шапки, взмахи белых платочков — прощальный девичий привет.